

Р о б е р т И б а т у л л и н

Диверсия

Лифт застрял на минус седьмом. Свет потускнел. Голубые квадратики кнопок на тачскрине погасли, вместо них выплыла надпись: «Экономьте энергию! Поднимаясь пешком на один этаж, вы спасаете 13 кв. м тропического леса».

— Перезагружается. Какой-то глюк. Сейчас поедем. — Доктор Яман глянул в телефон. — Время у нас есть — еще без пяти.

— Уже без пяти. — Докторка Хейс поджала губы. Полированный алюминий стен расплывчато отражал ее круглое черное лицо и тучное тело в лиловом костюме. — Ты не знаешь эту Ши. Она доложит, если мы опоздаем хоть на минуту. Вызывай диспетчера.

— Вызов не работает. — Яман показал на тачскрин, все еще без кнопок. — Все-таки лучше бы их оставили механическими.

— Не согласна. Электроника безопаснее. Больше контроля. Такова политика Фонда, и не нам с ней спорить... Ну? Как связаться с диспетчером?

— Сейчас найду. — Яман скроллил список контактов у себя в телефоне. — А насчет времени не беспокойтесь. Хабиб в любом случае опоздает сильнее. У него намаз. Уж по такому-то поводу даже коллега Ши не посмеет...

— Ты что, не читал мою рассылку? В этом кейсе Хабиб не участвует. — Хейс разглядывала свои ногти, покрытые золотым лаком. — Мусульмане не проявили интереса. Вместо

него какой-то Пери... Пеки... Так и не смогла запомнить фамилию. От церкви «Атомный Мавзолей».

Яман оторвался от телефона.

— Долорес, извините, я действительно не читал. Наверное, попало в спам. И почему замена?

Хейс пожала плечами.

— Наш объект ведь утверждает, что он... из космоса. — Она изобразила кавычки толстыми пальцами. — Да, скорее всего просто шпионская легенда, но пока приходится рассматривать ее всерьез. А в этой религии... — Хейс помедлила, подбирая слова. — Придается сакральный смысл... всякому такому... космическому.

— «Атомный Мавзолей». Они что, за атомную энергию? И потом... — Яман бегал глазами по экрану. — Я сейчас посмотрел в Фондопедии — это же просто какая-то мелкая русская секта?

Хейс нахмурилась.

— Последний раз напоминаю: читай мои рассылки! Вот ляпнул бы слово «секта» при этом Пери... Пеки... и что тогда? Термин неуместный и оскорбительный. «Мавзолей» — прогрессивное религиозное движение, работающее в русле политики ответственного развития. Довольно влиятельное. Фонд их поддерживает... — Свет загорелся ярче, прозвучала мелодичная трель, тачскрин вновь покрылся квадратиками кнопок. — Ну наконец-то!

— Программа обновлена, — произнес лифт приятным гендерно нейтральным голосом. — Извините за доставленные неудобства. Пожалуйста, коснитесь изображения кнопки нужного этажа... — Яман нажал на «-9», но лифт не поехал. На тачскрине появились красные поля ввода. — Для данного этажа требуется авторизация, — продолжил голос автомата. — Пожалуйста, введите личный номер и пароль.

— Боже, сколько мороки! — Хейс быстро набила цифры. — Так вот, Фонд поддерживает этот «Мавзолей», поэтому и привлек их человека в нашу комиссию — поднять им статус. Это обсуждалось на Совете по биоэтике и изменению климата. Как видишь, уровень внимания к вопросу довольно высокий.

— Надеюсь, что этот... хм... святой отец не будет нам сильно мешать. — Яман ввел свой пароль, но ничего не произошло. Под двумя заполненными строками ввода пустела третья. — Господи, этот дурной лифт считает, что нас трое! Не поедет, пока не получит данные третьего человека!

— У тебя лишний вес, — буркнула Хейс. — Не подумай, что я хочу тебя оскорбить или критикую твою внешность, просто дружеский совет: займись спортом! После гормонов многих разносит, по себе знаю, но я-то за собой слежу! — Она показала на свои бока (по правде сказать, значительно шире, чем у Ямана).

— Однако раньше этого глюка с весом не было, — заметил тот. — Криворукие кодеры что-то поломали при обновлении. Продублирую свои данные в третью строку, вдруг сработает?

Лифт несколько секунд переваривал данные трех пассажиров, два из которых почему-то оказались тождественными, а потом произнес:

— Чрезвычайная ситуация. Пожалуйста, немедленно покиньте кабину. Спасибо, что воспользовались нашей продукцией! — Открыл двери и полностью выключил освещение и тачскрин.

— Идем скорее из этой ловушки! Спустимся по лестнице! — Хейс выскочила в вестибюль. — А насчет святого отца: что ты имеешь в виду?

— Ну, вдруг он заявит, что наш объект — какая-нибудь священная реликвия? — Яман придержал перед Хейс тяжелую дверь на лестницу, повеяло сквозняком. — Потребуется себе?

— А, ты об этом. Не беспокойся. Наши безопасники не собираются никому ничего отдавать, и мы с тобой их поддержим. — Хейс спускалась, тяжело переваливаясь по ступеням. — Если понадобится, проголосуем за то, что объект не космического происхождения. Обычный робот-шпион... ну, просто не вполне обычный. Тем более что скорее всего это правда.

— Вообще-то я читал техническую экспертизу. Он очень старый и, безусловно, побывал в космосе, и...

— Джун, не мне тебя учить, как работать с выводами экспертов. Но! — Хейс подняла палец. — Мы, конечно, должны быть добросовестны. Никакой предвзятости.

Яман вздохнул.

— Ши тоже это понимает?

— Не уверена. — Хейс остановилась на площадке минус восьмого этажа под плакатом «Спасем антилопу гну!», перевела дыхание. — Конечно, она будет блюсти интересы СБ, но боюсь... не так деликатно, как следовало бы. Между нами, я была против ее включения в комиссию.

— Я так и думал. Но почему нам ее навязали? Мы так хорошо сработались с Крамером...

— Дело не в личностях. Просто этот человек из «Мавзолея» — белый цис-мужчина, и если бы остался Крамер, возникли бы вопросы... баланса, разнообразия... ты понимаешь. — Хейс отдышалась и зашагала дальше вниз. — Что касается Ши — я лично не имею ничего против нее. Руководство ею довольно, биография безупречная, но знаешь, мелкие детали...

— Например?

— Например, она вызывающе одевается.

Яман поднял брови.

— Да? По-моему, вполне скромно. Деловой костюм...

— Я не говорю, что она одевается неприлично, по-сексистски, типа юбка выше щиколоток и все такое. Но она вообще носит юбку, при том что она цис. Что она хочет этим сказать? Выпячивает свою биологическую женственность? Типа, я не то что всякие транссы? Конечно, это пока не регламентировано, но сложилась неписаная норма: цис-персоны должны носить унисекс. Все это понимают, но она делает вид, что нет. По-моему, это маркер скрытой трансфобии, и я намерена поднять вопрос на Совете по чувствительности и регламенту поведения...

Хейс и Яман остановились. Выход с лестницы на минус девятый этаж перегораживала дверь из матового бронестекла. Под потолком мигала красным индикатором камера биометрического контроля. На мониторе сбоку от двери появился

строгий эмодзи и надпись: «Смотрите в камеру. Ждите подтверждения идентификации».

— И еще один факт о коллеге Ши, — продолжила Хейс, подставив лицо камере и официально улыбаясь. — На нее однажды напал мужчина, черный, предположительно с целью изнасиловать, и она его застрелила. Насмерть.

— Она носит оружие? — Яман тоже с дежурной улыбкой поднял взгляд в камеру и поправил узел зеленого галстука. — Летальное?

— Как сотрудница СБ имеет право. Пистолет, конечно, был умный, распознал угрозу как реальную, и суд ее оправдал, но согласись — она проявила бесчеловечие и недостаток гражданской ответственности. И — я не исключаю — расизм. Вообще она крайне закрытый, непрозрачный человек. Сильно подозреваю, что не так уж искренне разделяет наши ценности. Работала в проблемных странах, а там легко подхватываешь токсичные идеи... Ну надо же, в кои-то веки камера нас узнала! Идем скорее.

Монитор показывал радостный эмодзи и надписи: «Долорес Амбер Хейс — личность подтверждена. Нагарджун Яман — личность подтверждена». Матовые створки открылись, потянуло сквозняком.

— Господи! Чем здесь пахнет? — Хейс поморщилась.

— Не обращайтесь внимания, здесь вечно так. Какие-то проблемы с вентиляцией. Направо, пожалуйста. Нам нужно получить одноразовые пропуска.

Они свернули из лифтового вестибюля, миновали разноцветные урны для раздельного сбора восемнадцати категорий мусора (все были доверху и с верхом набиты чем попало) и вошли под арку бюро пропусков. Стены были увешаны правилами пропускного режима в анимешных картинках, а над окошком выдачи висел плакат: «Уважайте чужое личное пространство! Слишком тесное приближение может психологически травмировать». Но посетитель у окошка был лишь один — высокий, широкоплечий пожилой мужчина. Лысина и курчавая борода лопатой придавали ему вид античного мудреца, но дешевый серый пиджак смазывал впечатление. При

виде членов комиссии он заулыбался и суетливо зашарил по карманам.

— Докторка Хейс, доктор Яман, если не ошибаюсь? — Он наконец нашел, что искал — визитные карточки, — и вручил обоим.

Убористый текст с одной стороны на русском, с другой на английском гласил: *«Леонард Гайдарович Периханян, доктор технических наук, профессор, комиссар Интернационала красных космистов «Атомный Мавзолей», академик Евразийской академии ноосферы»*. Последовали улыбки, рукопожатия, комплименты.

— Прошу прощения, как к вам обращаться? — поинтересовался Яман, когда все трое получили пропуска и вышли в длинный темный коридор. — Ну, типа «преподобный», или «ваше святейшество», или...

— Просто «профессор», — разрешил Периханян. — У нас, космистов-коммунаров, не приняты все эти средневековые титулы. Мы люди модерна, даже сверхмодерна...

— Доктор Яман никогда не читает моих рассылок, — сквозь застывшую на губах улыбку проговорила Хейс. — Иначе бы знал.

Яман виновато хихикнул. Они шагали по коридору, и лампы на фотоэлементах вспыхивали и гасли, сопровождая их участком холодного света. Двери по сторонам были стальные, пронумерованные, тюремного вида, каждая с клавиатурой и кардридером. По потолку тянулась коробчатая труба вентиляции. Слышалось, как где-то падают в воду капли.

— Профессор, — снова начал Яман, — надеюсь, я не скажу ничего оскорбительного, но меня беспокоит один вопрос. «Атомный Мавзолей»... Как вы относитесь к атомной энергии?

— Ядерные технологии сакральны для нас. — В голосе Периханяна появилась проповедническая размеренность. — Я писал об этом в «Метафизике сталинизма». Если вкратце: высшие аспекты ноосферы манифестируют себя в ядерной энергии, когда она согревает форпосты социализма в Заполярье или движет космические аппараты, несущие во Вселенную вымпел с бессмертным именем Ленина, или ждет своего

часа внутри советских боеголовок, что одним своим существованием наводят ужас на реакционеров всех мастей... Но! — Он поднял палец. — Но не когда капиталисты подчиняют ее потребительским инстинктам обывательской массы, унижают ее мощь, заставляя питать микроволновки и тостеры! Вот почему мы приветствуем и глобальный запрет АЭС, и ядерное разоружение. У нас с вами разные мотивы, разные ценности, разное видение будущего, но в этом мы едины.

— Я очень рад, — с чувством сказал Яман. — Вы знаете, я был экспертом рабочей группы по индийским противоядерным санкциям, и...

— То же самое в космической области, — не слыша, продолжал Периханян. — Мы одобряем всеобщий мораторий на исследования дальнего космоса. Во время кампании против российских космодромов наши активисты выступали вместе с «Гринписом». Наша позиция: космос — либо для преобразованного коммунистического человечества, либо ни для кого. Пока коммунизм не стоит на повестке дня — мы космоса недостойны. — Он поморщился: — Чем здесь пахнет?

— Вентиляция, не обращайтесь внимания. — Яман показал вверх: несколько секций трубы были разобраны, из дыры тянуло гнилостной вонью. Рядом стояла стремянка, лежали инструменты, но никого не было. — Кажется, уже чинят, — неуверенно пояснил он. — Профессор, вы изучали материалы по Эшеру?

— Да.

— У вас сложилось какое-нибудь мнение? — вступила в разговор Хейс.

— Объект, безусловно, интересный. — Леонард Гайдарович остановился у стальной двери под номером «-9174». — Нам сюда, правильно? Но подлинность вызывает сомнения. Хотя бы то, что его якобы запустило НАСА... Мы уверены, что вся американская космическая программа была грандиозной фальсификацией. — Он сунул пропуск в кардридер. — Нас, кажется, должно быть четверо, коллеги?

— Да, еще Мелинда Ши из службы безопасности. Но она опаздывает. Очень странно для нее. — Хейс вложила пропуск, дождалась зеленого индикатора, извлекла.

— Наверное, это она идет. — Яман показал в другой конец коридора. Оттуда приближалась вторая волна загорающихся и гаснущих ламп — еще далекое пятнышко света. — В той стороне лифты для безопасников. — Он вложил карточку, индикатор на пульте зажегся красным, кардридер выплюнул пропуск. — Да что такое, почему не проходит? А ведь мы все четверо должны авторизоваться — иначе дверь не откроется...

Хейс не слушала. Она глядела в тот конец коридора, откуда приближалась световая волна.

— Немного жутковато, — произнесла она.

Участок света уже приблизился, но он был пуст. Лампы зажигались и гасли, словно освещая путь кому-то невидимому. Шаги были слышны — твердая походка, четкий перестук каблуков, — но тьма скрывала идущего.

— Это привидение? — Яман хихикнул. — Или вы, Мелинда?

— Это я, здравствуйте. — В остров света перед дверью вступила маленькая хрупкая азиатка в круглых очках на поллица, в юбочном костюме тускло-оранжевой расцветки. Она походила бы на студентку или молодую учительницу, если бы под расстегнутым пиджаком не виднелась кобура. — Лампы почему-то работают со сбоем: загораются не надо мной, а в десяти метрах впереди. — Ши говорила монотонно, почти не разжимая губ. — Извините за опоздание, я застряла в лифте. Прошивка обновилась, а потом лифт не захотел ехать, потому что решил, что в кабине никого нет. Сбой в оценке веса пассажира. — Она вставила пропуск — зажегся зеленый огонек.

— У нас та же история, — сказал Яман. — И мой пропуск не работает, вы не знаете почему?

— Тоже из-за лифта. Вы ввели свой пароль дважды, лифт решил, что кто-то другой хочет пройти под вашим именем, просигналил в СБ, и наши на всякий случай приостановили все ваши допуски. Но уже должны разобраться. Попробуйте еще раз.

— Как у вас все строго, — пробормотал Периханян.

— Естественно, — ответила Ши. — Это же комнаты для допроса экстремистов. Опять не проходит?

Да, пропуск Ямана снова не прошел. Четверо членов комиссии по-прежнему беспомощно стояли под дверью. Лампа

погасла, оставив их в полной темноте. Яману пришлось пошагать туда-сюда, чтобы она загорелась снова. Ши вызывала кого-то по телефону.

— Запрос: Нагарджун Яман, восстановление допуска, — сказала она отчетливо и размеренно, как обращаются к автомату с не слишком продвинутым распознаванием речи. — Придется подождать. — Ши убрала телефон. — У нас уже человек десять с той же проблемой. Решение должен принять майор Шпренгер, а он в ближайшие полчаса недоступен, у него намаз.

— Мы не можем ждать полчаса. — Хейс нахмурилась. — Я сразу после этой комиссии должна докладывать на Совете по чрезвычайным ситуациям. Мелинда, решите, пожалуйста, проблему.

— Хорошо, но под вашу ответственность. — Ши набрала что-то на клавиатуре, замок щелкнул, дверь приоткрылась.

— Что вы сделали? — насторожилась Хейс.

— Ввела мастер-пароль СБ. Должна предупредить: тем самым я отключила внешнее наблюдение в реальном времени и взяла на себя полное управление локальной системой безопасности. Это придется отразить в протоколе. — Ши толкнула дверь и первая прошла внутрь.

Стены были расписаны в успокаивающих пастельных тонах цветами, котятками и счастливыми детьми разных цветов кожи. Кроме одной: стену напротив двери наглухо закрывали голые металлические жалюзи. Вдоль нее тянулся конференц-стол с микрофонами, в углу стояли кулер и кофемашина.

— Необычно для допросной комнаты. — Периханян показал на веселенькие стенные росписи.

— Метод психологического воздействия, — сказала Ши, отодвигая свой стул.

— А, та самая «пытка позитивом»?

— Мы этих терминов не употребляем. — Ши нажала кнопку на рабочем месте, и жалюзи поехали вбок. — Такой интерьер пробуждает в допрашиваемом внутреннего ребенка, провоцирует на открытость и послушание. В теории по крайней мере. — Монотонный голос Ши ничем не выдавал ее отношения к сказанному.

Жалюзи отъехали. На последнем метре механизм заело, и они открылись не до конца. За перегородкой из бронестекла открылась и осветилась вторая половина комнаты. Стены там были тоже расписаны цветами и радугами, а по углам валялись плюшевые слоники и мишки. Посреди высилась клетка Фарадея из дырчатого металлического листа. Сквозь сетку отверстий просматривался аппарат на телескопических ножках-опорах, около метра в высоту, весь в черно-ржавых разводах окалины — сложный сrostок цилиндрических емкостей, шлангов, антенн, камер и манипуляторов. Рядом на полу стоял подключенный кабелем ноутбук. На экране кружился скринсейвером логотип Windows 101.

— Давайте уже наконец начнем. — Хейс подтянула к себе микрофон. — Профессор, сделайте нам кофе, пожалуйста. Мне обычный.

— Мне с кофеином. — Ши включила микрофон.

— Мне тоже обычный. — Яман включил свой и, когда Леонард Гайдарович поспешил к автомату, сказал всем: — Напоминаю — когда хотите обратиться к объекту, называйте его по имени. — Он наклонился к микрофону: — Эшер! Ты меня слышишь? Ты готов разговаривать?

На экране ноута скринсейвер моргнул и сменился окном программы-вокодера с регуляторами настроек.

— Да, — послышался приветливый голос молодого мужчины. В окне вокодера всколыхнулись столбики спектрограммы. — Добрый день, доктор Яман.

— Эшер, с тобой говорит комиссия Фонда ответственного развития, уполномоченная решить твою дальнейшую судьбу. — (Периханян тихо расставил кофейные стаканчики, тихо уселся на свое место.) — Главная цель этой беседы — установить подлинность твоей истории, поэтому мы будем повторять ранее уже задававшиеся вопросы и искать противоречия. Давай начнем. Расскажи о себе.

— Я робот, — донеслось из ноутбука. Члены комиссии не отрывали от экрана глаз, возможно, потому что сам обгоревший аппарат был неподвижен, и только на экране происходило какое-то движение: колебалась спектрограмма, бежали строчки. — Меня зовут Эшер. Это акроним: ESChER —

Europa Surface Chemistry Exploratory Rover. Меня создали в НАСА в 2029 году. Я работал на Европе. Целью моей миссии был сбор образцов и биохимический анализ...

— В, — перебила Хейс. — В, Эшер.

— Простите, я не понял. — Интонация робота осталась такой же ровной.

— В Европе, а не на. — Хейс обвела соседей победным взглядом. — Несложно было его разоблачить, а? В каких конкретно странах Европы, Эшер?

— Нет-нет, Долорес, — вмешался Яман, — он имеет в виду...

— Давай так: сначала вопросы, потом замечания! — резко перебила Хейс. — Хватит и того, что мы из-за тебя потеряли время и были вынуждены проникнуть сюда каким-то сомнительным образом! Итак, Эшер? В каких странах ты работал, прежде чем попал сюда?

— Вблизи Южного полюса, в окрестностях криогеизера Корриган на линии Астипалея. — Хейс открыла было рот, но закрыла, когда робот уточнил: — Речь идет о луне Юпитера под названием Европа, а не о земном субконтиненте. Я собирал и изучал образцы органики, выброшенной извержениями гейзера из подледного океана. Из-за большого расстояния до Земли мне пришлось работать с высокой степенью автономии, а когда связь с Землей прервалась — полностью автономно.

— Можно задать вопрос? — Периханян покосился на Хейс и, получив благосклонный кивок, спросил: — Эшер, почему связь прервалась?

— Не знаю. На моей стороне проблем не было. В 2040 году Земля просто перестала выходить на связь, и до самого возвращения я не получал от вас никакой информации. Но меня оборудовали достаточно сильным искусственным интеллектом, и поэтому мне удалось решить все поставленные задачи самостоятельно.

— Эшер! — заговорила Ши. — Зачем тебе дали диалоговый интерфейс?

— В основном в рекламных целях. Пиарщики НАСА решили, что публике понравится робот, который сам челове-